

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сборник вошли статьи, написанные с 1999 по настоящее время. Бóльшая их часть была опубликована в различных изданиях под фамилией Степина, которую я сменила на Данилевскую в 2019 г.

Я работала над темой «Н. А. Некрасов в русской критике 1830–1840-х годов», результатом которой стала вышедшая одновременно с этим сборником монография «Н. А. Некрасов в русской критике 1838–1848 годов: творчество и репутация». Близостью двух книг обусловлено их единое техническое оформление. Каждая из книг снабжена списком литературы и алфавитными указателями имен, произведений, произведений Н. А. Некрасова, периодических изданий, а также списком сокращений. Ссылки на издания из последнего даются за цитатой в скобках. Курсив мой по умолчанию. Курсив, полужирный шрифт и подчеркивания автора оговариваются.

В ходе сбора и изучения материала, осмысления проблемных узлов я оказалась вовлечена в изучение связанных с практическими задачами самостоятельных тем. Это методологические аспекты литературоведческого изучения: гипотетическая реконструкция и проблема многоракурсного прочтения мемуарных текстов. Это индивидуальная поэтика и связь документального и художественного. Это проблема биографии и автобиографии поэта. Меня увлекала биографика — наука, занимающаяся разными аспектами формирования и изучения биографии, — и эвристика как сопряжение методов познания творческой деятельности. Не теряя из виду основной задачи, я обращалась к отдельным вопросам творчества других писателей некрасовской эпохи. Тексты монографии и сборника статей по возможности не дублируются, хотя неизбежно содержат некоторые логически обусловленные повторы.

В статье, открывающей сборник, упоминается голограмма. Это метафора. Известно, что голограмма, трехмерное изображение чего бы то ни было, будучи разбита на множество осколков, в каждом фрагменте воспроизводит трехмерное же изображение целого объекта. Эта особенность голограммы была тесно связана для меня с мыслью об отношении частей к целому. Так центром нескольких статей, своего рода «куста», стал тот или иной эпизод биографии и творчества, отношений между творческим актом и социумом, событием и суждением; эпизод, позволяющий строить гипотетические реконструкции и интерпретировать его в разных ракурсах. При написании статей эти связи мыслились, иногда только угадывались. Но сами статьи готовились в разное время и для разных изданий, что делало необходимым некоторый повтор ключевых положений, цитат, автоссылок и т. п. Они оставлены, поскольку книга подчинена принципу «куста», а не «дерева» (монографии). Поэтому же оставлены перекрестные ссылки.

Принцип в студенческие годы был угадан интуитивно, а по мере чтения и опытов собственной научной прозы в качестве «учительных» долгое время воспринимались работы Б. Л. Бессонова и его опыты в области эвристики, книга И. Ф. Петровской «Биографика» (СПб., 2003), а также опыты гипотетической реконструкции, предпринятые Л. И. Вольперт. Прошедшее невосстановимо, а другой человек непознаваем для исследователя в той мере, в какой исследователь бы этого желал. Целое – человек внутри своей эпохи – явлено нам фрагментарно, но напоминает об изначальной системе взаимодействия частей.

Соображения, высказанные в статьях данного сборника, были частыми темами бесед с людьми, которые явились и первыми читателями их. Это Ростислав Юрьевич Данилевский, Александр Михайлович Берёзкин, Николай Николаевич Пайков, Евгения Михайловна Табориская и Борис Лаврентьевич Бессонов, чьи труды по биографике я штудировала раньше, чем мы стали собеседниками. Первый из названных прочтет мои слова глубокой и горячей благодарности. Последние четверо их услышат там, где в слове живы все.

Н. А. НЕКРАСОВ
И СЕЛИНА ЛЕФРЕН-ПОТЧЕР:
КОММЕНТАРИИ К РЕКОНСТРУКЦИИ
ЭПИЗОДА БИОГРАФИИ

История взаимоотношений Некрасова с Селиной Лефрен-Потчер относится к числу эпизодов, о которых известно мало фактов. Такая ситуация объясняется, во-первых, сугубо приватным характером отношений; во-вторых, общим мнением, что образ этой женщины и отношения с ней не нашли отражения в творчестве поэта, а следовательно — бесперспективны для изучения. Краткие сведения о личности Лефрен и ее пребывании в доме Некрасова содержатся в «Литературном наследстве»¹ и нескольких трудах К. И. Чуковского², В. В. Жданова³, Н. Н. Скатова⁴, посвященных биографии поэта. Эти авторы в качестве источников биографии имели несколько мемуарных свидетельств.

Четыре письма Лефрен к Некрасову, хранящиеся в РГАЛИ и упомянутые в «Литературном наследстве», опубликованы с моим комментарием в пятом выпуске сборника «Карабиха»⁵. В комментарии на основании анализа

---

¹ Литературное наследство. М., 1949. Т. 51—52. С. 220—221 (далее см. ссылки в тексте: ЛН. 51—52: 220—221). Комментарии к разделу «Письма к Некрасову» выполнены коллективом авторов. Трудно утверждать, кому из них принадлежал комментарий о Лефрен.

² *Чуковский К. И.* 1) Некрасов. Статьи и материалы. Л., 1926; 2) Подруги поэта // Минувшие дни. 1929. № 2. С. 10—29 (далее см. ссылки в тексте: *Чуковский*); 3) Рассказы о Некрасове. М., 1930.

³ *Жданов В. В.* Жизнь Некрасова. М., 1981 (далее см. ссылки в тексте: *Жданов*).

⁴ *Скатов Н. Н.* Некрасов // Скатов Н. Н. Сочинения: в 4 т. СПб., 2001. Т. 3.

⁵ Письма Селины Поттше-Лефрен к Николаю Некрасову / публ. и коммент. М. Ю. Степиной [Данилевской] // Карабиха: историко-литературный сборник. Ярославль, 2006. Вып. V. С. 187—195. Далее см. ссылки в тек-

содержания писем уточнена их датировка и хронологическая канва взаимоотношений поэта с этой женщиной; освещено представление Лэфрен о Некрасове и своей роли в его жизни. В настоящей статье предлагается еще несколько уточнений к реконструкции эпизода биографии.

I

Первое из них — время знакомства Некрасова и Лэфрен. В литературоведении этот период распадающихся отношений с Панаевой и завязывающихся с Лэфрен датирован расплывчато и обозначен очень лаконично. О. Б. Алексеева, автор комментария к письму поэта к А. А. Буткевич, утверждает (не приводя никакой аргументации), что Некрасов сблизился с Лэфрен в конце 1863 г.⁶ В. В. Жданов пишет, что отношения с Лэфрен завязались в середине 1863 г., одновременно с «выходом» из «тупика», который представляли отношения с А. Я. Панаевой (*Жданов*: 163). У Чуковского начало романа в одном фрагменте текста описано как «непрерывная смена» подруг в 1863 г., в другом — как «треугольник» едва ли не в 1860 г. (*Чуковский*: 13–14, 19). Еще одна датировка предложена в 1996 г. Н. Н. Пайковым. В подборке биографических сведений о Некрасове за 1862 г. он указывает: «февраль — А. Я. Панаева переехала от Н. А. Некрасова на другую квартиру; Некрасов сблизается с актрисой французского Михайловского театра в Петербурге С. Лэфрен»⁷. Эта датировка легко увязывается с тем фактом, что уже написано стихотворение «Слезы и нервы» (1861), в котором как будто бы речь идет о совершившейся разлуке: «Кто ей теперь фла-

---

сте: *Письма СЛ*; при публикации писем редактор «Карабихи» исправил на французский манер ее фамилию, которая традиционно пишется «Потчер». См. постскрипtum на с. 54–55.

⁶ *Некрасов Н. А.* Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Л.; СПб., 1981–2000. Т. XV. Ч. 1. С. 211. Далее ссылки делаются в тексте с указанием тома и страниц (XV-1: 211).

⁷ *Некрасов Н. А.* «Да, только здесь могу я быть поэтом!..» Избранное / сост. Н. Н. Пайков. Ярославль, 1996. С. 251.

кон подносит...» Но она также ничем не аргументирована, более того, опровергается мемуарными свидетельствами, о чем см. ниже. Разлука же 1860 г., судя по письму Некрасова к Н. А. Добролюбову от 18 июля, для самого поэта не была окончательно решенным делом (XIV-2: 138–140).

В мемуарах упоминания о «французенке» встречаются всего несколько раз. Наиболее подробно эта женщина и домашняя жизнь Некрасова описаны Елизаветой Александровной Рюмлиг, сводной сестрой поэта, бывавшей в доме с 1857 г. на положении воспитанницы. Рюмлиг оставила несколько версий своих воспоминаний⁸. Все они включают в себя сведения о Лефрен; содержат ряд совпадений, кое в чем дополняют и ни в чем существенном не противоречат одно другому. Рюмлиг сообщает:

«Вскоре (после ухода А. Я. Панаевой. — М. Д.) она (Селина Лефрен. — М. Д.) переехала в квартиру Николая Алексеевича, а прежде жила в доме напротив, но бывала иногда и у Некрасова, еще во времена Евдокии Яковлевны» (*Рюмлиг 3*: Л. 10 об. — 11).

«Первая из трех женщин, которые были впоследствии близки Николаю Алексеевичу, г-жа Селина Лефрен, французенка, приехавшая из Парижа с французской

---

⁸ *Рюмлиг-Некрасова Е. А.* 1) Три последних увлечения Н. А. Некрасова // Сполохи: литературно-художественный и общественный ежемесячный журнал. 1921. № 2. С. 31–33. Далее см. ссылки в тексте: *Рюмлиг 1*; 2) *Иванова (Фохт-Рюмлиг) Е. А.* Воспоминания сестры поэта / публ. О. А. Замареновой // Карабиха: историко-литературный сборник. Ярославль, 1997. Вып. 3. С. 208–221. Далее см. ссылки в тексте: *Рюмлиг 2*; 3) *Некрасова-Рюмлиг Е. А.* Н. А. Некрасов в домашнем быту // Вестник литературы. 1920. № 2 (14). С. 4–6. Далее см. ссылки в тексте: *Рюмлиг 4*; 4) *Некрасова-Рюмлиг Е. А.* Три последние привязанности в жизни Н. А. Некрасова. Рукопись. Б/д, без подписи // ФГУК «Всероссийский музей А. С. Пушкина»: музей-квартира Н. А. Некрасова. Архив В. Е. Евгеньева-Максимова. Папка № 2. Ед. хр. 31. Л. 9–23 (листы, сшитые в тетрадь). Далее см. ссылки в тексте: *Рюмлиг 3*. Выражаю сердечную благодарность Ольге Александровне Замареновой, которая любезно предоставила в мое распоряжение ксерокопию этой рукописи и дала ценные консультации по истории вопроса.

труппой в Михайловский театр, исполняла маленькие роли и была на сцене долго» (*Рюмлинз* 3: Л. 10 об.)

Среди сохранившихся афиш Императорских театров некоторые афиши французской труппы Михайловского театра содержат имя Lefresne. Первая — 4 сентября 1862 г. Последняя — 5 октября 1863 г. Афиши за 1864 г. не сохранились ни в Российской национальной библиотеке, ни в Театральной библиотеке, однако для уточнения времени знакомства достаточно и тех афиш, которые доступны.

Спектакли, в которых выходила на сцену Селина Лефрен, были сыграны 4, 11, 15, 23 сентября, 9, 26, 27 октября, 1 ноября 1862 г.; затем — 26, 29, 31 января, 5, 7, 17, 21, 24 февраля, 4, 13, 21, 23 апреля, 29 сентября, 5 октября 1863 г.

Таким образом, по времени появления Лефрен на петербургской сцене знакомство (и, возможно, первое участие Некрасова в ней) могло состояться не ранее сентября 1862 г.

Знакомство могло произойти в театре. Сведений о посещении Некрасовым Михайловского театра в этот период нет, что легко объясняется текущими событиями в жизни поэта. В июне 1862 г. был закрыт «Современник», а 7 июля арестован Н. Г. Чернышевский. В конце июля или начале августа Некрасов уезжает в Карабиху, откуда возвращается в Петербург 8 или 9 октября, и, по-видимому, не вполне здоровый: «Кашляю и пью какое-то потогонное» (XIV-2: 177–178). Следовательно, на спектаклях 4, 11, 15 и 23 сентября он не был.

24 октября написаны письма Некрасова к И. А. Панаеву (по денежным делам «Современника»), прошение в С.-Петербургский цензурный комитет о разрешении публикации объявления «по истечении осьми месяцев остановки» (XIII-2: 158) и объявление «Об издании “Современника” в 1863 году» (XIII-1: 452). 28 октября председатель С.-Петербургского цензурного комитета представил текст этого объявления «на благоусмотрение министра народного просвещения А. В. Головнина» (XIII-2: 550). Данных о каких-либо занятиях поэта 9, 26 и 27 октября не найдено. Следовательно, теоретически Некрасов мог впервые увидеть Лефрен в спектакле Михайловского театра в этот день.

Следующий спектакль, в котором была занята Лефрен, был сыгран 1 ноября. В течение октября велись переговоры между Некрасовым и М. А. Антоновичем о его вхождении в обновляющуюся редакцию «Современника». Переговоры сопровождалась денежными хлопотами о семье Н. Г. Чернышевского⁹.

Помимо неотложных денежных дел и забот, связанных с журналом, Некрасова тяготит личное горе. В письме к Е. Я. Якушкину от 7 октября 1862 г. Некрасов пишет: «В последние два месяца смертельная болезнь отца отнимает у меня все время» (XIV-2: 177). 26 ноября 1862 г. он сообщает Ег. П. Ковалевскому: «Отец мой умирает. Я уезжаю в Ярославль, куда вызывают меня по телеграфу. Долго ли там пробуду — не знаю» (XIV-2: 180). А. С. Некрасов умер 30 ноября 1862 г. Некрасов возвращается в Петербург 20 декабря (XIV-2: 181–182).

Таким образом, 9, 26, 27 октября и 1 ноября, как представляется, были не лучшим временем для театральных впечатлений и знакомства за кулисами. Хотя и можно допустить, что, напротив, спектакль и знакомство были способом немного отвлечься и отдохнуть. Более вероятно, что Некрасов посетил Михайловский театр после того, как он похоронил отца и изменилась ситуация с «Современником». Цензурное разрешение на сдвоенный номер (январь–февраль) было получено 5 февраля 1863 г. А ближайшие спектакли с участием Лефрен состоялись 29 января, 31 января, 5 и 7 февраля.

Предположение о том, что знакомство состоялось в середине или в конце 1863 г., опровергается письмом Некрасова к сестре А. А. Буткевич, содержащим просьбу прийти в квартиру Селины (XV-1: 18, 211). Соображения о датировке этого

⁹ Антонович, как сообщает Е. Н. Пыпина в письме к родным от 5 ноября 1862 г., «не иначе согласился принять на свои руки “Соврем<енник>”, как с условием, чтобы долг на Н<иколае> Г<авриловиче> Ч<ернышевском> более не считался, а кроме того, было бы назначено из редакции постоянное содержание семейству <...> покуда не изменятся обстоятельства». Некрасов, по ее словам, просил С. Н. Пыпина написать О. С. Чернышевской, что денег, принадлежащих Чернышевскому, в редакции «Современника» нет, «и если О. С. будет теперь получать деньги, то это собственно деньги Некрасова» (РГАЛИ. Ф. 395. Оп. 1. № 107. Л. 35 об.)

письма высказаны ниже. Датировка знакомства с «французенкой» зимой 1863 г. подтверждается другим мемуарным источником.

2

Этот источник — «Воспоминания о Н. А. Некрасове» Е. Ф. Литвиновой¹⁰. Елизавета Федоровна Литвинова, урожд. Ивашкина (1845–1919 или 1922)¹¹, в 1861/62 г. училась в пансионе при Мариинской гимназии вместе с Е. А. Рюмлиг. Она излагает историю знакомства с Некрасовым и близкими к нему людьми, а также свои впечатления и размышления того периода.

«Воспоминания...» Литвиновой, опубликованные в 1903 г., не переиздавались и не становились предметом комментария. На первый взгляд, в них наряду с упоминаниями широко известных фактов приводятся малозначительные подробности бытового характера. В ракурсе же рассматриваемой темы этот текст весьма содержателен. Мемуаристка (педагог-математик, писавшая статьи по педагогике, и автор биографий замечательных людей) спустя сорок лет после описываемых событий точно воспроизводит хронологическую канву. Все события и тогдашние размышления Литвиновой в ее повествовании привязаны к определенному периоду и могут быть датированы с точностью от нескольких месяцев до дня. Предыстория ее знакомства с Некрасовым иллюстрирует хронологическую точность мемуаристики.

Приход в пансион «воспитанницы» Некрасова и сближение девочек соотносятся с датой смерти Н. А. Добролюбова — 17 ноября 1861 г.

---

¹⁰ Е. Л. <Литвинова Е. Ф.> Воспоминания о Н. А. Некрасове // Научное обозрение. 1903. № 4. Апрель. С. 131–141. Далее см. ссылки в тексте: Е. Л.

¹¹ Подробнее о ней см.: Бокова В. М., Белодубский Е. Б. Литвинова Елизавета Федоровна // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 370.

«К нам в пансион отдали учиться его воспитанницу, красивую, рослую девочку лет тринадцати. <...> Воспитанница Некрасова была постоянным предметом моего внимания, потому что рассказывала мне кое-что о жизни так сильно интересовавших меня людей: Некрасова, Панаева, Чернышевского и тогда уже покойного Добролюбова» (Е.Л.: 132).

Литвинова, по всей вероятности, не знала, что «воспитанница» была сестрой Некрасова. Дата рождения Рюмлинг неясна: на надгробном памятнике указана дата «14.10.1853» (*Рюмлинг 2*: 212). Чуковский, говоря о связи Некрасова с П. Н. Мейшен, ссылается на мемуаристку: «Мне сообщила эти сведения побочная сестра поэта Елис. Ал. Некрасова-Рюмлинг, которая была тогда (в 1868 г. — М.Д.) 15-летней девочкою» (*Чуковский*: 16). Сама же Рюмлинг пишет, что жила у брата с 10-летнего возраста, с 1857 г., а ее 16-летие отмечали за полгода до разрыва Некрасова и Панаевой (лето 1863 г.), т. е. в 1862 г. (*Рюмлинг 2*: 214, 216). Если год ее рождения 1847-й, то на момент смерти Добролюбова ей недавно исполнилось 14 лет.

Первая возможность для Литвиновой увидеть Некрасова соотносится с датой смерти И. И. Панаева 18 февраля 1862 г. и отпеванием покойного в Преображенском соборе. Литвинова вспоминает, что Лизаньку «брали домой в субботу, а приводили в пансион утром в понедельник. Случилось как-то, что ее привезли в воскресенье вечером; перепуганная, бледная, она объявила нам, что умер муж Авдотьи Яковлевны Панаев» (Е.Л.: 133). Панаев скоропостижно умер поздним вечером 18 февраля, это было воскресенье. Отпевание состоялось 22 февраля¹².

В хронологическом порядке описываются первый визит Литвиновой в квартиру на Литейном, 36 (спустя несколько месяцев после похорон Панаева, осенью, по возвращении с каникул) и разговор с А. Я. Панаевой, обещавшей показать ее стихи Некрасову. Затем девочка начинает бывать в доме

¹² Шилов А. А. Н. Г. Чернышевский в донесениях агентов III отделения (1861–1862 гг.) // Красный архив. 1926. № 14. С. 110.

по воскресеньям, сожалея, что долго не может увидеть Некрасова. «Лизанька мне сказала, что они обыкновенно в воскресенье обедают на половине Николая Алексеевича, но теперь выходит № “Современника”, Некрасов очень занят, а может быть, чем-нибудь и расстроен» (*Е.Л.*: 136). 20 декабря Некрасов приехал из Ярославля с похорон отца. 10 декабря в «Северной пчеле» было опубликовано «Письмо к издателю “Северной пчелы”»¹³ И. С. Тургенева, в котором Тургенев приписывал Некрасову попытку помириться с ним по меркантильным соображениям и предавал гласности признание Некрасова, сделанное в письме от 15 января 1861 г., что Тургенев несколько раз снился ему (*XIV-2*: 152). Конец декабря и январь у Некрасова были заняты хлопотами по возобновленному «Современнику». Цензурное разрешение на сдвоенный номер (январь–февраль) было получено 5 февраля 1863 г.

В одно из воскресений Панаева передала девочке приглашение от Некрасова на 4 часа в ближайший вторник, когда наконец состоялось ее знакомство с поэтом, который поощрил литературные способности Литвиновой (*Е.Л.*: 133–137). Литвинова вспоминает, что Некрасов вошел в комнату в половине пятого (*Е.Л.*: 136), их беседа была довольно продолжительной, однако «была прервана Авдотьей Яковлевной, напомнившей Некрасову, что ему надо ехать по делу» (*Е.Л.*: 137). Во вторник, 15 января, Некрасов участвовал в литературном вечере в зале Бенардаки, начавшемся в 19 ч. 30 мин.¹⁴ Возможно, знакомство состоялось именно в этот день.

Фрагменты воспоминаний Литвиновой содержат подробный рассказ о домашней жизни на Литейном, 36 в интересующий нас период. Литвинова точно подмечает достаточно отчужденное отношение Некрасова к Панаевой, предшествовавшее их разрыву.

¹³ *Тургенев И. С.* Письмо к издателю «Северной пчелы» // *Северная пчела*. 1862. № 334; *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1987. Т. 5. С. 134–135; далее ссылки на это издание даются в тексте, в круглых скобках: *Тургенев П. V*: 134–135. Т – Тургенев, литеры С и П обозначают соответственно Сочинения и Письма, римская цифра – том, арабская – страницу.

¹⁴ Санкт-Петербургские ведомости. 1863. № 12. 15 января. С. 51. Разные известия. Литературный вечер.

Легко заметить, что описываемые события также группируются вокруг конкретной даты.

«С тех пор я часто видела Некрасова за обедом по воскресеньям, *иногда* он также заходил к Авдотье Яковлевне, но *всегда по какому-нибудь особенному случаю*. Один раз он вошел весь бледный и сказал Авдотье Яковлевне: “Знаете, что со мной случилось, я потерял рукопись Чернышевского «Что делать?»”» (Е.Л.: 138).

Рукопись первых глав романа «Что делать?» Некрасов получил у А. Н. Пыпина и потерял по дороге к дому 3 февраля 1863 г., в воскресенье (ХІІІ-1: 177). Некоторый временной промежуток, обозначенный в тексте Литвиновой словами «с тех пор», «иногда», «один раз», подтверждает предположение, что ее знакомство с Некрасовым состоялось ранее потери рукописи и выхода номера журнала.

В следующих строках воспоминаний сообщается, как бедный чиновник принес рукопись и как он был вознагражден¹⁵. Размышления об этом событии спустя несколько абзацев вклиниваются в объемное описание воскресных посещений:

«Я замечала, что *отношения Некрасова к А. Я. доставляли последней много огорчений* и нередко она возвращалась с половины Некрасова с заплаканными глазами. “Н. А. опять обидел Авдотью Яковлевну”, — говорил тогда младший Добролюбов. <...> Я всегда радовалась, когда Н. А. заходил на половину А. Як., хотя это случалось, *как я уже говорила, или по делу, или когда Некрасов был нездоров* и не мог совладать с своей мнительностью; с беспредельным отчаянием в голосе он рисовал тогда самые ужасные последствия своей болезни. Помню, я утешала его, поддаваясь в то же время внушению этого ужаса. *Некрасов вообще отдавался во власть всякому чувству*. Этим его свойством, конечно, часто пользовались люди, умевшие играть на чувствительных струнах. У Авдотьи Як. был большой запас рассказов на эту тему» (Е.Л.: 139).

---

¹⁵ Это произошло 8 февраля, в пятницу.

В качестве иллюстрации этой черты поэта Литвинова приводит историю создания стихотворения «Дешевая покупка» (1862), когда Некрасов из сострадания к «бедной девушке» не разглядел мошенничества (II: 383).

«Некрасов не любил вспоминать этой своей “Дешевой покупки”, — пишет далее Литвинова, — а А. Як. решалась лишь изредка и то слегка напоминать о ней Николаю Алексеевичу в том случае, когда его кошельку, да и *сердцу* грозила какая-нибудь новая опасность; о сердце же своем сам Некрасов говорил, что оно “попусту глупое рвется”. В данный момент его тянуло к французскому языку, кажется, мало ему тогда знакомому. Ав. Як., по просьбе Н. А., покупала ему различные учебники, разрешила их, и потом мы видели их на столе Николая Алексеевича.

Отношения его к Ав. Як., “подруге трудных, трудных дней”, с каждым днем становились все более и более натянутыми. Эпизоды из жизни Некрасова, подобные дешевой покупке, к моему удовольствию, совершенно уничтожили возникшую было во мне мысль о его скупости. Я думала, какой же он скупой, если Ав. Як. все боится, что его обертут» (Е.Л.: 139–140).

Предположение о скупости Некрасова возникло у Литвиновой, когда со слов Панаевой она узнаёт, что чиновнику, принесшему рукопись «Что делать?», Некрасов дал 50 руб., а не 300, как объявил в газете¹⁶. Хронологическая последовательность событий очевидна. Эпизод с потерей и

---

¹⁶ В «Воспоминаниях» Панаева пишет, что Некрасов дал чиновнику 50 рублей на извозчика, а получив рукопись, вручил обещанную сумму и 50 рублей обратно не взял (Панаева (Головачева) А.Я. Воспоминания. М., 1972. С. 326. — Далее см. ссылки в тексте: Панаева). Г. В. Краснов в комментарии к этому месту говорит об ошибке мемуаристки, ссылаясь на воспоминания Литвиновой (Панаева: 456). В «Воспоминаниях о Н. А. Некрасове» Литвиновой в подстрочном примечании к этому эпизоду, напротив, разъясняется ошибка Литвиновой (Е.Л.: 138). Возможно, примечание в публикации «Воспоминаний...» Литвиновой дано с учетом текста «Воспоминаний» Панаевой, опубликованных в 1889 г. (Исторический вестник. 1889. № 1–11).

находкой рукописи «Что делать?» и «мысль о скупости» (начало февраля 1863 г.) приходится на период «с каждым днем все более и более натянутых» отношений между Некрасовым и Панаевой. В этот же период сказаны слова Некрасова о своем сердце («попусту глупое рвется»), произошли некие «эпизоды... подобные дешевой покупке» и обнаружился интерес к французскому языку. Эти события, частично привязанные к датам, обнаруживают ассоциативную связь и сгруппированы в тексте в некий блок, внутри которого развивается тема неблагоприятных отношений Некрасова с Панаевой и увлечений Некрасова. Следующие абзацы воспоминаний (начиная со слов «Я продолжала приглядываться к Некрасову...») посвящены уже другим подробностям жизни в квартире на Литейном, 36. Это обеды с Некрасовым, чтения Горбунова, карточная игра, совет Некрасова играть и наживать состояние, размышления о Чернышевскими, наконец, финал:

«Наступала весна, приближались каникулы; приходилось ехать в имение к родителям. <...> Когда я вернулась в Петербург, то в первое же воскресенье отправилась в дом Краевского; поспешно поднялась я на знакомую мне площадку, и лакей Ав. Як., всегда такой подобострастный, очень грубо сказал мне: “Она больше здесь не живет”. Тогда я спросила Лизаньку и узнала, что последняя недавно также переселилась к Авдотье Як., а Н. Ал. находится на охоте.

Вскоре я узнала, что в квартире Панаевых Некрасов поселил француженку, а Ав. Як. вышла замуж за Головачева. Все эти новости настолько меня поразили и привели в такое недоумение, что я не решилась идти ни к Некрасову, ни к Головачевой» (Е.Л.: 140–141).

Присущая стилю Литвиновой группировка фактов дает основания предполагать, что начало сближения поэта с Лефрен (для обоих затруднительное без знания языка) приходится не на конец 1863 – начало 1864 г. и даже не на середину 1863 г., а, возможно, на первые месяцы этого года, вскоре после потери и находки рукописи Чернышевского

или даже раньше. И если оценки Литвиновой кажутся подчас наивными¹⁷, то в части хронологии она предстает очень убедительной.

3

Знакомство поэта и безвестной французской актрисы могло состояться и вне театра. В одной из трех версий воспоминаний Е. А. Рюмлиг вскользь говорится, что «Николай Алексеевич познакомился с ней в кругу людей богатых и ищущих удовольствий, где г-жа Лефрен вращалась всегда» (*Рюмлиг 3: Л. 10 об.*)

В воспоминаниях Рюмлиг повторяется, что Лефрен часто посещала театры в качестве зрительницы, и ни разу не упомянут ни один ее выход на сцену. Вопреки словам мемуаристки («была на сцене долго» — *Рюмлиг 3: Л. 10 об.*), Лефрен пробыла на сцене Михайловского театра недолго — возможно один сезон и начало второго. Судя по всему, «долго» — это всего лишь описка; следует читать — «недолго». В первой версии своих воспоминаний Рюмлиг пишет, что Лефрен была на сцене «короткое время» (*Рюмлиг 1: 31*). Возможно, в третьей версии мы имеем дело с обыкновенным искажением фактов вследствие давности событий. Можно было бы предположить, что Рюмлиг имела в виду выступления Лефрен на сцене впоследствии, после отъезда. С этим предположением согласуются слова Селины из ее письма к Некрасову (1866), что она будет играть в Казино в городе Трувиле (подробнее об этом см.: *Письма СЛ: 190*). О продолжении ее сценической деятельности Рюмлиг, впрочем, не

---

¹⁷ Литвинова упоминает, что она испытала облегчение от мысли: «Какой же он скупой, если Ав. Як. все боится, что его оберут». Этот факт убеждает, что, несмотря на наблюдательность мемуаристки, в силу полудетского возраста и положения гостя в доме, она не придавала значения «эпизодам», о которых тем не менее неоднократно слышала. Характерно, что она не упоминает (очевидно, и не знала) имени «француженки», поселившейся в доме. Либо она обошла молчанием свои наблюдения и догадки.

говорит сколько-нибудь ясно, как и о том, что Некрасов виделся с Лефрен после ее отъезда в Париж в 1867 г.

Рюмлинг с определенностью пишет, что Лефрен «имела свою намеченную цель, составить себе хотя небольшой капитал и дорогих вещей <...> и уехать на родину, т. е. в Париж. Она всегда говорила, что иметь про запас деньги это есть *liberté*» (*Рюмлинг 3*: Л. 12 об.). Но при Некрасове, сколько можно судить по воспоминаниям Рюмлинг, Лефрен одна нигде не «вращалась». До Некрасова она «вращалась» всего несколько месяцев. Из слов Рюмлинг можно заключить, что Лефрен была содержанка со стажем. Тогда уместно задаться вопросом, до какой степени могла быть осведомлена о таких подробностях девочка, бывавшая в доме по выходным на положении воспитанницы, и откуда она взяла сведения.

Возможно, от самой Лефрен. Но утверждение («вращалась всегда») не подкреплено примером. Все четыре версии воспоминаний содержат упоминания о регулярных совместных посещениях театра и успехах Рюмлинг в разговорном французском и не содержат никаких сведений ни об интимных беседах мемуаристки и Селины, ни о каких бы то ни было знакомствах Лефрен.

Рюмлинг в принципе характеризует Лефрен несколько двойственно:

«Г-жа Лефрен не имела в Петербурге знакомств и сама никуда не выезжала, [и¹⁸] вообще держала себя прилично и солидно» (*Рюмлинг 3*: Л. 11).

Употребление слова «прилично» подразумевает некую неприличность ее положения вообще. А между тем в данной ею характеристике Лефрен повторяется определение «интеллигентна»:

«Лефрен была очень интересна, лет за тридцать, очень интеллигентна, много читала <...> училась музыке и пению...» (*Рюмлинг 1*: 31).

---

¹⁸ Зачеркнуто.

«Она была очень интеллигентна, любила музыку, училась пению и играла на фортепиано...» (*Рюмлинг 3: Л. 11–11 об.*)

Рюмлинг также неоднократно отмечает большой вкус Лефрен в выборе одежды и внимательность к пристрастиям и подаркам Некрасова:

«М-ле Лефрен была нельзя сказать чтобы очень красива, но имела представительную фигуру, одевалась очень хорошо, с большим вкусом, все, что на ней было, казалось очень богатым» (*Рюмлинг 3: Л. 11*).

«На... обедах она очень хорошо была одета и надевала большею частью платья, которые нравились Николаю Алексеевичу, оба из великолепного атласа, одно цвета магно (каштановое), а другое цвета Laiton или, как Николай Алексеевич называл, цвета du лососин» (*Рюмлинг 3: Л. 12; ср. также: Рюмлинг 1: 32*).

Следует отметить и то обстоятельство, что Лефрен поначалу не знала русского языка, но впоследствии, «несмотря на то что она плохо говорила по-русски, она все-таки могла поддерживать разговор...» (*Рюмлинг 3: Л. 12*).

Опубликованные письма Лефрен свидетельствуют об умении выразить свои мысли на чужом языке, несмотря на грамматические ошибки.

Легко заметить, что вообще из «трех последних привязанностей» поэта Рюмлинг явно выделяет Лефрен, а о П. Н. Мейшен и Зине отзывается весьма прохладно и характеризует именно манеру одеваться и уровень культуры:

«...Была очень малообразованная, а еще менее интеллигентная, и я никогда не видела, чтобы она что-либо читала и вообще интересовалась чем-либо, относящимся к литературе или общественным вопросам», а ее наружность была невыигрышна при безвкусных костюмах» (*Рюмлинг 3: Л. 14*).

«Николай Алексеевич, я не заметила чтобы особенно интересовался ее обществом, а отношения их нарушались иногда небольшими неприятностями» (*Рюмлинг 3*: Л. 14 об.)

О Зинаиде Николаевне она пишет:

«Образование ее было совершенно примитивное, отношение ее к Николаю Алексеевичу было какое-то натянутое, там не было откровенности и правды. В этот период времени бывало очень немного знакомых в доме Николая Алексеевича, причин не знаю, но думаю, что не особая приветливость хозяйки была отчасти этому причиной. Она также никем и ничем не интересовалась» (*Рюмлинг 3*: Л. 16).

«Наряды, которые и многих образованных женщин интересуют, ей были не нужны, хотя Николай Алексеевич вообще одобрял всякие приобретения по части гардероба» (*Рюмлинг 3*: Л. 16 об.)

Далее Рюмлинг приводит примеры пренебрежительного отношения Зины к подаренным Некрасовым шляпкам и платью (*Рюмлинг 3*: Л. 16 об. — 17). Ср. также:

«За границей, в Биаррице, брат подарил ей и сестре Анне Алексеевне (она была с ними) бархатные, черные платья; она нашла, что лучше бы брат подарил ей деньги» (*Рюмлинг 1*: 33).

Из воспоминаний Рюмлинг можно сделать вывод, что при Лефрен девочка по-прежнему чувствовала себя в доме своей. Она упоминает «нашу половину» («Николай Алексеевич часто заходил на нашу половину» — *Рюмлинг 1*: 31), приемы гостей и родственников, в которых она принимала участие: мелкие подробности, приведенные в рассказе, запомнились ей явно не с чьих-то слов. Семейный характер досуга — совместные поездки в театр с Лефрен, иногда с Некрасовым —

по регулярности напоминает воскресные посиделки детей с А. Я. Панаевой. Очевидно желательный для поэта¹⁹ домашний уклад с присутствием воспитанницы, родственников, сотрудников, друзей и гостей продолжался при Лефрен так же, как и при Панаевой, в отличие от годов, проведенных в обществе других подруг.

Манера поведения Лефрен и ее образ жизни, как его описывает Рюмлинг, соответствует ее словам: «Не имела в Петербурге знакомств». Это та часть, которая написана очевидицей и участницей событий. Замечание о знакомстве Некрасова с Лефрен «в кругу людей богатых и ищущих удовольствий, где г-жа Лефрен вращалась всегда», возможно, соответствующее действительности, написано человеком, который в те годы не вращался в этом кругу. В силу того, что Рюмлинг не указывает источник этих сведений, при внимательном прочтении подробность о «круге» едва уловимо диссонирует с тем, что является собственно ее воспоминаниями об увиденном лично.

Вполне вероятно, что некоторой осведомленностью Рюмлинг обязана А. Я. Панаевой. В воспоминаниях Рюмлинг обозначила разницу между Панаевой, которую она «обожала» (*Рюмлинг* 4: 4), и последующими «привязанностями» поэта:

«Я не включаю сюда, конечно, серьезную и многолетнюю дружбу Николая Алексеевича с Евдокией Яковлевной Панаевой, это совершенно исключительная привязанность была достойна того глубокого уважения и любви, которую имел Николай Алексеевич к Евдокии Яковлевне» (*Рюмлинг* 3: Л. 9 об.)

---

¹⁹ Племянник поэта Александр Федорович Некрасов вспоминал: «У Николая Алексеевича, как известно, не было детей, и он не раз высказывал отцу, имевшему большую семью, желание усыновить меня; этим и объяснялась моя поездка. Помню, когда мне сказали, что я буду жить у дяди в Петербурге, а не в Карабихе, я плакал и отказывался. Но проекту этому не суждено было осуществиться; болезнь дяди все усиливалась, и в декабре он скончался». (Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971. С. 404–405; далее в тексте с указанием страниц: Некрасов ВС: 404–405).

Панаева, как пишет Рюмлинг, оставалась для нее очень близким и очень авторитетным человеком. Их встречи после ухода Авдотьи Яковлевны с Литейного на Надеждинскую продолжались, теплые отношения, судя по всему, — тоже.

Е. Ф. Литвинова подметила, что Панаева не очень скрывала свои эмоции перед гостями — подростками²⁰ — и охотно рассказывала о Николае Алексеевиче различные «эпизоды», в том числе «подобные дешевой покупке», т. е. касающиеся, в частности, его увлечений: «У Авдотьи Як. был большой запас рассказов на эту тему» (*Е. Л.*: 139). Сведение о Лефрен как об опытной содержанке могло быть сколько реальным фактом, столько же преувеличением, воспринятым Рюмлинг именно от Панаевой, которая вряд ли была близко знакома с Лефрен

---

²⁰ Наблюдение о несдержанности и демонстративности А. Я. Панаевой укладывается в структуру ее характера, как он обрисован разными современниками, например И. С. Тургеневым: «Он (Некрасов. — *М. Д.*) уехал с г-жею Панаевой, к которой он до сих пор привязан — и которая мучит его самым отличным манером. Это грубое, неумное, злое, капризное, лишенное всякой женственности, но не без дюжего кокетства существо (*soit dit entre nous*) — владеет им как своим крепостным человеком. И хоть бы он был ослеплен на ее счет! А то — нет. Но ведь — известное дело: это всё тайна — или, говоря правильнее — чепуха. Тут никто ничего не разберет, а кто попался — отдувайся, да еще, чего доброго, не кряхтя» (*Тургенев П. III: 235; письмо к М. Н. Толстой от 4 (16) июля 1857 г.*).

«Он (Некрасов. — *М. Д.*) возвращается в Россию, где рассчитывает остаться до зимы. Его красавица сопровождает его. Красавица эта для него — веревка на шею, сущее наказание, к тому же она отнюдь не красива и никогда таковой не была. Во время путешествия я обнаружил у них одну милую привычку, у нее — мучить, у него — мученья испытывать; бог с ними, если это их устраивает! Митридат питался ядами. Но я, признаюсь, в ужасе от этой толстой г-жи Панаевой. Представьте, что у нее случаются нервные припадки с антрактами, которые обусловлены приходом третьего зрителя, модистки и т. п. И Некрасов, с его умом, видит в этом лишь пылкий нрав» (письмо к А. А. Трубецкой от 6 июля 1857 г.; там же. С. 376).

Сочувствовавший и по-доброму относившийся к Панаевой Н. Г. Чернышевский так высказался о ее характере: «Правда, после смерти Ивана Ивановича (Панаева) ему (Некрасову. — *М. Д.*) следовало жениться на Авдотье Яковлевне, так ведь и то надо сказать: престранная (буквально Н. Г. сказал: «невозможная») она была женщина» (*Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958. С. 476*).

(если вообще была знакома), однако резко негативно отзывалась о «француженках». Такие отзывы можно найти в ее «Воспоминаниях»; очевидно, резкость суждений можно до некоторой степени приписать не только эмоциям, испытанным Авдотьей Яковлевной в пору первого замужества²¹, но и позднейшим ее переживаниям.

С фрагментами «Воспоминаний» перекликаются отдельные фрагменты романа Панаевой «Женская доля»²² (1862), в котором отношения с «француженками» соответствуют запросам эгоистической природы мужчин, пренебрегающих «самоотверженной» и жертвенной любовью героини. Очевидно, в «любящей героине» Панаева воплотила свое представление о себе. Позиция автора-повествователя, стилистические особенности его отступлений и монологов героини, характеристики персонажей и тип конфликта дают основания согласиться с суждением прижизненной критики о большой степени предвзятости и субъективности этого произведения²³. Если реальные факты, легшие в основу сюжета, не подлежат проверке и не нуждаются в нашей оценке, то используемые автором риторические приемы делают наглядными цели его высказывания и средства аргументации.

Эти рассуждения относятся к вопросу о достоверности мемуарного источника. В тексте воспоминаний Рюмлинг, возможно, наряду с увиденным и услышанным лично, отразились сведения, почерпнутые из рассказов человека, воспринимавшегося мемуаристкой как авторитет. Можно предполагать, что сообщенные этим авторитетным человеком (Панаевой) сведения о лице (Лефрен) соответствовали действительности (поиск богатого покровителя), однако излага-

²¹ См.: Панаева: 125, 127.

²² Современник. 1862. № 3–5. Подп.: Н. Станицкий. — Автор настоящей статьи посвятила краткому анализу этого произведения доклад, прочитанный на Некрасовской конференции (2006): «Роман А. Я. Панаевой “Женская доля”: страница биографии». Роман был написан в преддверии расставания с Некрасовым и содержит богатый материал для биографии (см. также: Мельгунов Б. В. Хроника Некрасовской конференции // Русская литература. 2007. № 1. С. 291–292).

²³ Писарев Д. И. Кукольная трагедия с букетом гражданской скорби // Писарев Д. И. Собрание сочинений: в 6 т. СПб., 1894. Т. 4. Ч. 1 С. 147–196.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru